

Раздел 7

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 340.12

Balshikeyev S.B., Karassartova M.M. MEANS OF FORMING PERSONALITY LEGAL CULTURE. In the work there are revealed the main concepts of legal education and legal training as the means of forming legal culture of a man and of a society. There are considered the problems of legal nihilism, the contradictions of the present-day system of normative-legal acts and realities.

Key words: legal culture, legal education, legal training, values, legal consciousness, moral, law, state, society.

С.Б. Балшикеев, канд. фил. наук, доц., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин Карагандинского государственного технического университета, г. Караганда, E-mail: balshikeyev@mail.ru;

М.М. Карасартова, ст. преп. каф. социально-гуманитарных дисциплин Карагандинского гос. технического ун-та, г. Караганда, E-mail: k_madina78@mail.ru

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

В работе раскрываются основные понятия правового воспитания и правового обучения как средства формирования правовой культуры человека и общества. Рассматриваются проблемы правового нигилизма, противоречия современной системы нормативно-правовых актов и реальной действительности.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, правовое обучение, ценности, правовое сознание, мораль, право, государство, общество.

Правовая культура общества в современном мире не определяется территориальными границами одного государства. Происходит процесс интернационализации и взаимообогащения различных культурных ценностей, сближения национальных культур и формирования единой субкультуры с позиции общечеловеческих ценностей.

Мировое сообщество осознает необходимость выработки общечеловеческих, общечеловеческих начал и принципов деятельности в межгосударственных отношениях, закрепленных в важнейших нормативно-правовых актах международного характера. Особенно заметно этот процесс идет в рамках Европейского сообщества, где выработаны единые принципы согласования национальных правовых институтов, создано единое правовое поле, в рамках которого обеспечиваются основные права и свободы личности. В Европейской Конвенции о защите прав человека устанавливается, что «каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства государственных органов и независимо от государственных границ» [1].

В настоящее время существует множество проблем в процессе формирования правовой культуры. В первую очередь, это правовая безграмотность населения, сложный процесс правотворчества, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности, а также не развитая идеология сильного правового государства и, как следствие, правовой нигилизм и отрицание нравственных принципов.

Развитие правосознания гражданина, общества способствует преодолению отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью. Внесение научно обоснованных, взвешенных правовых представлений, взглядов в сознание граждан, борьба с преступностью являются предпосылками укрепления законности и правопорядка, т.е., всего того, без чего невозможно построить гражданское общество и правовое государство. Формирование позитивного отношения к закону, праву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования правовой культуры.

Правовая культура общества нуждается в систематическом рациональном формировании, стимулировании, позитивном социальном развитии. Система мер, направленных на формирование политико-правовых идей, норм, принципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры, выступает как правовое воспитание. Другими словами, правовое воспитание, это процесс формирования у отдельных граждан и в обществе в целом правовой культуры. Данный процесс осуществляется с помощью средств массовой информации государственными органами, должностными лицами, учебными заведениями, неправительственными организациями.

Формирование высокой правовой культуры невозможно без усиления правового воспитания. Как считают исследователи, правовое воспитание является одной из самых и многоплановых задач в правовой науке. Концепция правового воспитания и правовой культуры нуждается в совместном усилии философов, юристов, социологов, культурологов. Усвоение правовых норм происходит в течение всей жизни человека, независимо от его вероисповедания и профессии. Важным моментом в разработке концепции непрерывного правового образования является учет психологических составляющих правового сознания личности. В процессе формирования правового сознания целенаправленно закладываются вполне определенные психические и психологические составляющие.

Обычно говорят о правовом воспитании в широком и узком смысле. В первом случае речь идет не о правовом воспитании, а о правовой социализации человека, когда он «воспитывается» окружающей обстановкой в целом, всей юридической практикой и поведением людей, должностных лиц — представителей государственного аппарата в правовой сфере. При этом у людей, должностных лиц государственных органов, осуществляющих правовую деятельность (правомерную или неправомерную), нет прямой цели оказать на других людей правовоспитательное воздействие. Что касается правового воспитания в узком смысле, то оно отличается своей направленностью на повышение правовой культуры человека, группы людей и общества в целом.

Правовое воспитание — это целенаправленная деятельность по трансляции правовой культуры, правового опыта, правовых

идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому. Правовое воспитание имеет целью развитие правового сознания человека и правовой культуры общества в целом, призвано обеспечивать поведение, согласующееся с потребностями и ценностями правового государства. Сутью правового воспитания является формирование установки на согласование своих ожиданий, устремлений с интересами и ожиданиями общества. Для этого важно, чтобы потребности личности не противоречили потребностям общества и его ценностям.

Правовое воспитание взаимосвязано с правовым обучением: воспитание не может происходить без обучения, а обучение так или иначе оказывает и воспитательный эффект. Различие здесь можно провести, причем весьма условно, по сфере воздействия: воспитание влияет в основном на эмоционально-волевую, ценностную, мировоззренческую сторону сознания, а обучение – на когнитивно-рациональную, с целью информационно-образовательного воздействия на человека.

Ценностное, эмоционально-волевое воздействие в свою очередь ограничено реальной правовой практикой, поскольку невозможно воспитать у человека уважение к тем ценностям, которые отсутствуют в общественном сознании и деятельности людей, но провозглашаются на словах, в пустых декларациях и демагогических заявлениях. Ценности и идеалы «вырастают» спонтанно, формируются самой жизнью, всеми окружающими обстоятельствами и роль субъективного фактора в целенаправленной деятельности хотя и важна, но не является ведущей, а тем более единственно необходимой и достаточной.

Содержанием правового воспитания является приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, понимания сущности правовых учений, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение. Конечно, некоторые правовые ценности, имея основу и происхождение в моральных нормах, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики. Однако целью правового воспитания является «создание специального инструментария по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей» [2, с. 570].

Рассмотрим основные элементы механизма правового воспитания как деятельности, направленной на повышение правовой культуры человека. Прежде всего, это конкретные способы организации воспитательного процесса, такие как правовое обучение, правовая работа в связи с теми или иными конституционными мероприятиями (референдумы, выборы и т. д.), пропаганда права средствами массовой коммуникации, художественной литературой.

Другим «важным элементом механизма правового воспитания выступают разнообразные методы правовоспитательной работы — приемы, способы разъяснения политико-правовых идей и принципов в целях воздействия на сознание и поведение личности в интересах правопорядка» [2, с. 570]. К ним относятся многообразные приемы эмоционального, педагогического воздействия на воспитуемых: убеждение, предупреждение, поощрение, принуждение. Эти способы часто применяются в юридической практике.

К методам правового воспитания относится правовое просвещение. Процесс распространения правовых знаний служит росту общей правовой культуры. Воспитательная работа поднимает индивидуальное правосознание личности до понимания наиболее общих юридических принципов и требований, отвечающих интересам всего общества, государства [3, с. 452]. Формирование позитивного отношения к закону, праву, понимание и знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является составной частью правовой культуры. Главная его цель — воспитание уважения к праву и законности как ценностной установки широких слоев населения, овладение населением основами юридических знаний, понимание социальной и юридической ответственности.

Можно выделить следующие принципы правового воспитания:

- следует учитывать особенности восприятия правовых норм различными группами населения;
- необходимо добиваться осознания воспитуемыми социальной значимости и моральной ценности правовых норм, а также усвоения важнейших прав и обязанностей, устанавливаемых законом. Эффективность правового воспитания во многом зависит от того, насколько оно опирается на требования нравственных норм;
- следует всемерно развивать правовую активность граждан, воспитывать у них неприимчивость к любым нарушениям законности и правопорядка.

Серьезным недостатком нынешней практики воспитательной работы в правовой области является недооценка организационных форм, рассчитанных на молодежную аудиторию: школьных правовых олимпиад, диспутов на темы права, морали. На новом этапе развития государственного устройства важно сохранить этот опыт работы с молодежью, стимулировать его развитие на новом политико-правовом фундаменте.

Немаловажную роль в формировании правовой культуры общества играют такие средства информации как газетные и журнальные статьи, театральные постановки, кино и телевидение. Однако большинству журналистских публикации и сценариев фильмов не хватает глубины и всесторонности при исследовании проблемы воспитания чувства уважения к правам, свободам людей, разъяснения новых юридических видов социализации человека. Законы жанра, характерные для средств массовой информации, предполагают сенсационность при отборе материала. «Это приводит к определённому смещению ракурса, рассматриваемого журналистом события на «кровавые разборки», описание патологии преступника, утрирование изощренности или жестокости совершённого преступления» [4, с. 319].

О какой правовой культуре общества может идти речь, когда газеты и журналы изобилуют сценами криминальной жизни, на экранах телевизоров грабеж и убийства на фоне беспечной жизни богатых людей. В последнее время появилась тенденция принятия отрицательного опыта зарубежных стран в деле правового воспитания через кинофильмы и журналы. Помимо развития нездоровых тенденций, подражания криминальным элементам в молодёжной среде, «общество оказалось лишённым объективной картины, отражающей не только преступления и его генезис, но также и все следующие за преступлением этапы правоприменительной деятельности» [4, с. 319].

Правовая культура предполагает умение грамотно и юридически обоснованно говорить. Раскрытие правовой терминологии, языка юридических актов, толкование и разъяснение содержания законов являются составной частью правового просвещения общества. От правоведов, в свою очередь, требуется умение правильно, на профессиональном уровне составлять тексты юридических актов, употреблять в своей речи правильные в этическом смысле слова. Им не позволено выражаться языком публицистики, которая зачастую внедряет в народное сознание элементы так называемого «жаргонного языка». «Этого рода «практика» ведёт к нравственному и правовому разрушению личности, культурной деградации личности» [2, с. 450].

Правовое обучение и правовое воспитание органически связаны между собой. Воспитывающее обучение предполагает непрерывную взаимосвязь процессов целенаправленного формирования сознания личности гражданина и юриста-профессионала, включая правовоззрение, нравственные идеалы, правовые установки и ценностные ориентации, специальные, профессионально необходимые характеристики. Крайне важно сформировать соответствующую мотивацию — положительное отношение к познаваемому содержанию и потребность к постоянному расширению и углублению правовых знаний. Лишь в этом случае можно считать, что человек будет не только декларировать значение теоретических знаний для практической деятельности, но и найдет возможность для овладения этими знаниями и их правильного применения в юридически значимых ситуациях. Правовое обучение и воспитание является частью всего процесса духовного формирования личности, без которого нельзя обойтись в построении правового государства.

Главный объект воздействия при правовом обучении и воспитании — правовое сознание, т.е. правовое сознание индивида, коллектива (профессиональной группы), общества в целом. Воздействие на общественное правосознание означает соответствующее воздействие на групповое и индивидуальное сознание и, наоборот, правовое воспитание отдельных индивидов и их групп, в конечном счете, обуславливает формирование и развитие общественного правосознания, так как различные виды правосознания находятся между собой в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости.

Правовое воспитание обладает относительной самостоятельностью целей, спецификой методов их достижения и организованных форм. Оно представляет собой многоцелевую деятельность, предполагающую наличие стратегических, долгосрочных целей и целей тактических, ближайших, общих и частных. Цели могут конкретизироваться с учетом специфики субъекта и объекта воспитательного воздействия, используемых форм и средств этой деятельности, а также органов, осуществляющих правовое воспитание.

Программной целью можно считать профилактику правового нигилизма. В качестве специальных средств сведения его к минимуму следует назвать: обеспечение должного качества принимаемых законов, упрочение законности и правопорядка, повышение роли суда и проведения судебной реформы в целом, приведение в соответствие с потребностями времени правового воспитания населения, профессионального обучения и воспитания юристов, других государственных служащих. Одновременно необходима систематическая предметная работа по повышению уровня правовой культуры всех субъектов правоохранительной системы. Непосредственная цель – правомерное поведение, в том числе правовая активность граждан и профессиональная активность юристов и других государственных служащих в процессе реализации их компетенции в юридически значимых ситуациях.

Правовая активность предполагает определенную степень интенсивности деятельности в социально-правовой сфере, более высокую, чем просто соблюдение и исполнение правовых обязанностей, превосходящую обычные требования к должностному поведению. При этом справедливо подчеркивается, что такая деятельность связана с дополнительными затратами времени, энергии, а иногда и материальными затратами. Общество, разумеется, вполне устроило бы и просто правомерное поведение граждан, причем, чем большего количества, тем лучше.

К средствам правового воспитания относятся: правовая пропаганда, правовое обучение, юридическая практика, самовоспитание. В основе применения всех указанных средств лежит осуществление правовой информированности, предполагающей передачу, восприятие, преобразование и использование информации о праве и практике его реализации. Особое место здесь занимает проблема «правового минимума», некоего обязательного уровня знания права (уровня правовой осведомленности), которым должен обладать каждый гражданин любого общества, независимо от его социального статуса.

Наконец следует обратить внимание на такое средство, как самовоспитание, которое представляется наиболее эффективным для формирования правосознания всех субъектов права. Самовоспитание заключается в формировании у человека уважения к праву, потребности строго следовать правовым предписаниям путем самообразования, самостоятельного анализа правовой действительности и личной практике. Наряду со специальной подготовкой, самовоспитание для юристов-профессионалов – способ профилактики деформации сознания и личности и поддержания на должном уровне профессионализма.

Само участие в правовой жизни общества оказывает воздействие на правосознание индивида, способствует усвоению им правовых знаний и навыков. Общество и государство заинтересованы в формировании социально активных и в то же время законопослушных граждан. Утверждая право как большую социальную ценность, выражение и фактор реализации свободы личности, государство способствует укреплению законности, правопорядка, общественной дисциплины. В современных условиях в нашем обществе необходимо преодолеть правовой нигилизм, поразивший многих людей, воспитывать уважительное отношение к закону, сознание и чувство ответственности, непримиримости к произволу, коррупции, такому состоянию правовой системы и общественной морали, который именуют понятием «беспредел». Основами формирования здорового нравственного и правового сознания являются социальный мир, гражданское согласие, активное сотрудничество всех общественных групп населения, повышение благосостояния народа, расширение материальных гарантий прав человека.

Воспитание правового сознания в органической связи с началами нравственности, демократического сознания всех граждан представляет процесс повышения культуры общества, человека, обретения им достоинства, свободы и справедливости. В духовной жизни нашего общества за последние годы возросло неприятие идей социально-утопического сознания. Однако актуальными являются вопросы соотношения законности и свободы личности, прав человека и его гражданской ответственности, раз-

вития демократии. Очевидно, что демократия, законность, права человека несовместимы с анархией, вседозволенностью и произволом. Свобода человека в ее нравственных и правовых формах означает такой вариант поведения лица, в котором реализация его здоровых, разумных и благородных интересов сочетается бы с уважением интересов других лиц, общества и государства.

Воспитание правового сознания является составной частью всей культурной жизни общества, социальной функцией государства проявляющего заботу о просвещении и воспитании подрастающего поколения. Правовое просвещение взрослых граждан также имеет воспитательное значение в развитии массового сознания общества. Воспитательная работа поднимает индивидуальное правосознание личности до понимания наиболее общих юридических принципов и требований, отвечающих интересам всего общества, государства. Воспитание в духе права, законности не ограничивается правовым просвещением, формированием позитивного отношения к закону, праву, а находит свое завершение в правовой активности личности, в её правовой культуре.

Правовая культура личности выражается в овладении ею основами юридических знаний, уважении к закону, праву, сознательном соблюдении норм права, понимании социальной, юридической ответственности, непримиримости к правонарушениям, борьбе с ними. Знание гражданами своих прав и свобод, а также обязанностей перед государством и обществом является составной частью правовой культуры. Правовое сознание человека включает чувство убежденности в том, что он найдет у государства и его органов помощь в защите своих прав и законных интересов, что государство справедливо требует от него выполнения возложенных обязанностей и что он равен в правах с другими гражданами, равен со всеми перед законом и судом.

Средствами повышения правовой культуры граждан являются пропаганда права, развитие у граждан правовых знаний, практическое укрепление законности. Большое воспитательное значение, воздействие на граждан, особенно молодежь, оказывает пример руководителей, в том числе должностных лиц государственного аппарата, в неукоснительном соблюдении законов, борьбе с преступностью. Правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления гражданином своего долга перед обществом и государством. Развитие правосознания гражданина, общества способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью. Внесение научно обоснованных, взвешенных правовых представлений, взглядов в сознание граждан, борьба с преступностью являются предпосылками укрепления законности и правопорядка, без чего невозможно построить гражданское общество и правовое государство.

Формирование правовой культуры — это сложный и длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни. Средствами формирования правовой культуры являются пропаганда права, развитие у граждан знаний законов, практическое укрепление законности. Совершенствование системы правовых актов достигается благодаря наличию в государстве демократичной, эффективной конституции и высокому правовому и технико-юридическому качеству законов. Пример руководителей, должностных лиц государственного аппарата, участвующих в законодательной и правоприменительной деятельности оказывает большое влияние в процессе формирования правовой культуры общества.

Правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления человеком своего долга перед обществом, что способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью. Научно обоснованные правовые представления общества и личности являются предпосылками укрепления законности и правопорядка, без чего невозможно построить гражданское общество и правовое государство. Формирование позитивного отношения к закону, праву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования правовой культуры.

Библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Рим, 4.11.1950, (с изменениями от 21.09.1970 г., 20.12.1971 г., 1.01., 6.01.1990 г., 11.05.1994г.), ETS № 005, P.1, Статья 10.
2. Назаренко, Г.В.. Теория государства и права. – М., 2000.
3. Семитко, А.П. Теория государства и права. – М., 1997.
4. Матузов, Н.И., Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М., 2000.

Bibliography

1. Konvenciya o zathite prav cheloveka i osnovnikh svobod. – Rim, 4.11.1950, (s izmeneniyami ot 21.09.1970 g., 20.12.1971g., 1.01., 6.01.1990 g., 11.05.1994g.), ETS № 005, R.1, Statya 10.
2. Nazarenko, G.V. Teoriya gosudarstva i prava. – M., 2000.
3. Semitko, A.P. Teoriya gosudarstva i prava. – M., 1997.
4. Matuzov, N.I., Teoriya gosudarstva i prava / N.I. Matuzov, A.V. Maljko. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 23.11.11

УДК 130.2+304.5

Solovyev O.B. THE PRODUCTION OF TRUTH: MEDIADISOURSE AS A NEWEST POWER/KNOWLEDGE INTERFACE.

The circular relationship between knowledge and power techniques in postindustrial societies is analyzed in the paper. The knowledge as the factor of production has got the historical significance in the context of service economics, power inflation and continuous education. The perspectives of post-economic development side by side with the growth of risks and with the close attention to the security problems in mass media are regarded as a newest power/knowledge interface.

Key words: power, knowledge, control, discipline, truth, postindustrial production.

О.Б. Соловьёв, доц. каф. философии НГУЭУ, канд. филос. наук, г. Новосибирск, E-mail: obsib@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО ИСТИНЫ: МЕДИАДИСКУРС КАК НОВЕЙШИЙ ИНТЕРФЕЙС ВЛАСТИ И ЗНАНИЯ

В статье анализируется взаимообусловленное развитие знания и властных технологий в постиндустриальную эпоху. Историческая роль знания как фактора производства анализируется в контексте ускоряющихся темпов развития информационного сектора сервисной экономики, инфляции власти и непрерывного образования. Перспективы постэкономического развития наряду с увеличением рисков и повышенным вниманием к безопасности в средствах массовой информации обществ контроля и дисциплины рассматриваются как новейший интерфейс власти и знания.

Ключевые слова: власть, знание, контроль, дисциплина, истина, постиндустриальное производство.

Моделирование общественного развития в терминах постиндустриального, информационного, постэкономического, сетевого общества, а позднее – «третьей волны», общества знания или *Web 2.0*, было положено работой Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и докладом Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979). Высокий рост доходов населения США, стран Западной и Северной Европы, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии и Южной Кореи привёл к тому, что сфера услуг в экономике этих стран в настоящее время составляет больше половины валового внутреннего продукта. В США на сферу услуг приходится более 80 % ВВП (для сравнения – на сельское хозяйство только 5 %), в странах Евросоюза и Японии около 70 %. Нельзя сказать, что производство товаров и средств производства в этих странах осталось в прошлом – производство выросло, хотя и было частично перемещено в развивающиеся регионы. Изменилась структура потребления. Опережающий рост потребления услуг наряду с ростом потребления товаров – вот ось развития современного капитализма. Ныне массовый потребитель пользуется услугами не только частного извозчика и парикмахера. Ему нужна новейшая медицина, высшее образование, высококачественная связь, широкополосный интернет, программное обеспечение, доставка товаров на дом, разветвлённая сеть страхования и банковского обслуживания, высокоскоростные вагоны и комфортабельные авиалайнеры, предлагающие наиболее безопасные услуги перевозки, не говоря уже о туризме, поп-музыке, кино, телевидении, театре и ресторанах быстрого питания.

Исторический процесс, рассмотренный с точки зрения смен форм собственности и общественных формаций, может быть описан в марксистских терминах феодализма, капитализма, социализма. Вместе с тем главным ресурсом производства услуг в современном мире является знание и информация. Научные разработки выступают фактором производства более существенным, чем земля, без которой немислимо сельское хозяйство, или труд – дешёвой рабочей силы предостаточно в развивающихся странах, или даже капитал – деньги волей-неволей идут вслед за наукой. По этой причине основным принципом изучения общества в концепции Д. Белла стал статус и историческая роль знания. Д. Белл выделил три этапа общественного развития – доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, которые при переходе от одного к другому не вытесняют предшествующие, но сосуществуют по превосходству.

Главными структурами доиндустриального этапа были церковь и армия, а сферой производства – сельское хозяйство с работниками-батраками и трудоёмкими немеханизированными технологиями. Это в целом соответствует тому, что у К. Маркса

в классовой теории общества обозначено как феодализм, а у М. Фуко – как общество суверенитета. Определяющей для индустриального этапа развития явилась промышленность со своей корпоративной структурой – то, что и есть капитализм, по К. Марксу, или дисциплинарное общество, в соответствии с историческим концептом М. Фуко. Индустрия представляет собой машинное производство, капиталоемкие технологии, квалифицированных рабочих. Повышение квалификации в течение всей жизни, теоретические знания и университет, как главная общественная структура и место производства, накопления и трансляции знаний, отличают постиндустриальный этап – этап сервисной экономики и ускоряющихся темпов развития информационного сектора. Информатизация позволяет торговать услугами, невзирая на расстояния. В распространении знания компьютеризация заняла такое же место, какое прежде занимал транспорт и средства передачи звука и изображения. Об этом этапе К. Маркс не мог ничего знать, а М. Фуко сосредоточился на анализе новых властных технологий в политической и экономической жизни общества – технологий контроля и соблазна [1, с. 12].

Делая вывод о том, что «два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же» [2, с. 83], Ф. Бэкон говорил о всяческом могуществе человека в практике и, прежде всего, в покорении природы. Властное отношение к природе выражено и в самом известном его афоризме: «Знание есть сила, сила есть знание». Наука существует ради пользы для жизни и практики – в этом убеждении происходило развитие капитализма с появления экспериментального метода. Признавая, что уважение к власти зависит от достоинства того, над кем властвуют, а власть над рабами скорее позорна, чем почётна и не лучше власти тиранов над народом, доведённым до рабского состояния, Ф. Бэкон полагал власть науки намного выше, чем даже власть над свободной волей. Наука, писал он, «господствует над рассудком, верой и даже над самим разумом, который является важнейшей частью души и управляет самой волей. Ведь на земле, конечно, нет никакой иной силы, кроме науки и знания, которая бы могла утвердить свою верховную власть над духом и душами людей, над их мыслями и представлениями, над их волей и верой» [2, с. 141–142]. Господство над умами людей, упорное очевидностью и сладостной рекомендацией истины, справедливо и законно. По мысли Ф. Бэкона, власть, которой будет обладать субъект истинного знания, может быть уподоблена могуществу Бога.

В постиндустриальную эпоху технико-технологический прогресс превратил знание из средства покорения природы в главное средство экономического господства одного человека над

другим, немногих народов над остальными. С самого начала общественной истории разделение труда получило значение фундаментального социологического факта. Процесс шёл от первоначального разделения охоты и собирательства, скотоводства и земледелия к более позднему разделению труда на умственный и физический, промышленный и обслуживающий и сопровождался всё большей дифференциацией и специализацией сфер экономической деятельности. Уже в индустриальную эпоху в самостоятельную, отдельную от товарного производства сферу выделились мониторинг, маркетинг, связи с общественностью, реклама. Движение мирового капитала и расширение корпоративного права собственности за национальные рамки породили аутсорсинг и международное разделение труда, при котором промышленное производство концентрируется в регионах наиболее подходящих с точки зрения извлечения прибыли. Ныне среди факторов, способствующих ввозу капитала в страну, фигурируют дешёвая рабочая сила, либеральное законодательство, низкие налоговые платежи. Благодаря существенному сокращению удельного веса транспортных расходов в себестоимости продукции производство более не привязано к источнику сырья или основному потребителю. Прибыль, получаемая таким образом транснациональными корпорациями в развивающихся странах, увеличивает потребление развитых стран и обуславливает дополнительный импульс для развития сервисной экономики.

Основанная на аккумулировании инвестиций индустриальная экономика посредством финансовых рынков вкладывала сбережения населения в производство. В постиндустриальной экономике обществ контроля население заинтересовано в потреблении до такой степени, что предпочитает жить в кредит, а не накапливать заработанное. Так, в США объём сбережений меньше объёма долгов населения, а задолженность более 8,3 млн. ипотечных заёмщиков, по данным калифорнийской компании по сбору и распространению экономической информации *First American Core Logic*, превышает стоимость их домов – это приблизительно пятая часть общего количества тех, кто воспользовался услугами ипотечного кредитования в США. Роль денежных сбережений постепенно уменьшается и возрастает значение прав собственности на нематериальные активы – лицензии, патенты, корпоративные долговые ценные бумаги, в том числе зарубежные, которые становятся основным источником капитала. Наряду с экспортом капитала корпорации финансируют приносящие сверхприбыль высокорискованные проекты. В свою очередь, венчурный капитал позволяет развивающимся странам организовывать индустриальное производство.

Современные знания кардинально меняют технологии власти. Принуждение к труду как властная технология дисциплинарного общества позволяло собственнику капитала организовать массовое производство и найти свою нишу на рынке. С переходом к постиндустриальной экономике размер капитала уже не гарантирует защиту бизнеса от банкротства. Капитал, не вовлечённый в сферу инновационных производственных технологий, бессилен перед лицом международной конкуренции. Скорее наоборот: именно ноу-хау в постиндустриальной экономике обществ контроля привлекают необходимый для организации производства капитал. По данным британской *Financial Times*, по состоянию на 31 марта 2009 г. капитализация компаний-производителей программного обеспечения и интернет-услуг может быть сопоставима с крупнейшими корпорациями индустриального сектора: *Microsoft* – 175 млрд. долл., *Apple* – 109 млрд., *Google* – 124 млрд., тогда как у *Exxon Mobile* – 336,5 млрд., *Petro China* – 287,2 млрд., Газпром – 91,5 млрд., Роснефть – 46,6 млрд. долл.

Внедрение нововведений в постиндустриальном обществе во всё большей степени зависит от достижений теоретического знания. Знание обретает реальную силу посредством наукоёмких, ресурсосберегающих, информационных технологий, развитие которых происходит рывками. В сфере высоких технологий развиваются микроэлектроника, робототехника, миниатюризация, атомная энергетика, телекоммуникация, программное обеспечение, геномная инженерия, производство, связанное с использованием нанотехнологий. Колоссально возрастают производительность и автоматизация промышленного и сельскохозяйственного труда. Менее 5 % занятого населения работает в сельском хозяйстве США, крупнейшего экспортёра зерновых культур, тогда как, к примеру, в СССР на селе работало до 40 %, а по осени для уборки урожая в колхозы приезжал городской «трудовой десант». За счёт высокой степени разделения труда транспортировка, переработка и хранение сельхозпродукции сделались самостоятельными сферами услуг и промышленности: в США здесь занято

свыше 15 % наёмных работников, что опять же уменьшает долю агропромышленного сектора в ВВП страны.

Знание операционально и может передаваться по электронным каналам при условии перевода в некоторое количество информации. Информатизация и компьютеризация обществ контроля изменяют облик не только офисов и технических линий, но также городов и домашних хозяйств. Производство информации, экономически более эффективное, чем индустриальное производство, требует развитой юридической инфраструктуры для защиты прав интеллектуальной собственности. Права на информацию, как правило, носят монопольный характер – это необходимое условие превращения информации в товар и корпорации защищают их нередко с нелепой энергией. В конце 2006 г. получило широкую известность дело против директора сельской школы А. Поносова, обвинённого в установке нелицензионных копий операционной системы *Windows* и программного обеспечения *MS Office* на 12 компьютеров в школе села Селыч. Когда суд прекратил дело, сочтя незначительным ущерб, нанесённый школьным учителем компании *Microsoft*, прокуратура оспорила приговор и настояла на повторном рассмотрении дела. 7 мая 2007 г. А. Поносов был признан виновным в нарушении авторских и смежных прав компании *Microsoft* и приговорён к выплате штрафа в размере 5 тысяч руб. в пользу государства.

Монопольный характер прав на информацию способствует извлечению монопольной прибыли. О сверхприбыли информационных компаний свидетельствует стремительный рост их капитализации: на 13 августа 2008 г. капитализация *Apple* составила 159,37 млрд. долларов, в то время как 100-миллиардный рубеж был преодолен только в мае 2007 г. Производитель компьютеров *Macintosh* и плееров *iPod* достиг этого за счёт гигантских продаж пользующихся невероятной популярностью смартфонов *iPhone*. Не менее важную роль сыграли диверсифицированный характер доходов компании и лояльность потребителей, которые признались, что среди всех мировых брендов *Apple* оказал на них самое сильное влияние.

Население постиндустриальных стран получает доход как от интеллектуальной и управленческой деятельности, так и от роста рыночной капитализации принадлежащих им компаний. Курс акций, в свою очередь, формируется на основе ожиданий инвесторов и оценки эффективности бизнеса, актуальности интеллектуальной собственности, способности менеджеров компании к успешным инновациям, гудвилла и, конечно же, квалификации сотрудников. Квалификацию невозможно повысить через инвестирование в одно только производство: новые технологические линии мертвы без рабочих-операторов и инженерно-технического персонала, способного привести их в действие. Таким образом, в условиях постиндустриальной экономики общества контроля не могут не осуществляться широкомасштабные инвестиции в человеческий фактор. Для своего воспроизводства обществам с властными технологиями контроля и соблазна приходится стимулировать потребление образовательных и медицинских услуг; развитие творческих способностей человека, личностный рост. Это стимулирование самым активным образом осуществляется через средства массовой информации путём воздействия на потребителя медиадискурсом, навязывающим желания, кредиты для удовлетворения этих желаний и образ жизни, связанный с долгосрочной выплатой процентов и основного долга по этим кредитам. Таково естественное требование технико-технологического развития обществ контроля – выделять значительные средства не только на строительство, оборудование, реконструкцию производства, но и на медиапланирование, обучение, тренинги, постоянную переподготовку персонала, на весь комплекс социальных гарантий.

В постиндустриальном обществе корпорация заменила собой завод. Атмосферу постиндустриальной эпохи Ж. Делёз описывает следующим образом: «Если самые идиотские телевизионные игры пользуются таким успехом, то как раз потому, что они адекватно передают ситуацию внутри корпорации. Завод представляет собой объединение индивидуумов в единое тело ради двойной выгоды – хозяина, наблюдающего за каждым элементом этой массы, и профсоюза, организующего массовое сопротивление; однако корпорация постоянно подаёт личное соперничество как самую здоровую форму мотивации, как самый сильный импульс, который противопоставляет одного индивида другому и пронизывает каждого из них, разделяя его изнутри. Принцип модуляции «зарплата по заслугам» не миновал и самого национального образования. По мере того как корпорация заменяет собой завод, непрерывное образование заменяет школу, а не-

прерывный контроль замещает экзамены. Это самое надёжное средство уподобить школу корпорации» [3, с. 228–229].

Благодаря тому, что квалификация сотрудников в постиндустриальной экономике играет роль средства производства, снижается зависимость персонала предприятия от работодателя и отношения между собственниками компании и интеллектуальными работниками приобретают партнёрский характер. Ведущие инженеры и разработчики получают премии в виде пакетов акций компании: такая практика, в частности, принята в *Microsoft* и других компаниях-производителях программного обеспечения и информационных услуг, а также в большинстве финансовых институтов. Креативные корпорации переходят от централизованно-иерархической к иерархично-сетевой структуре управления с предельной самостоятельностью и ответственностью сотрудников за выполняемую ими работу. Программист, например, может разрабатывать software, не выходя из дома и ежедневно представляя отчёты о проделанной работе в офис компании по электронной почте. Персонал, таким образом, обретает большую свободу в трудовой деятельности и принятии решений, чем это было в традиционной иерархически организованной промышленной компании. Пространства изоляции разрушаются. На место закрытых производств, где технологии надзора и принуждения к труду были очевидны, приходят не имеющие прецедента локализации место работы с технологиями неявного контроля и наблюдения.

Часть исследователей высказывает мнение, что постиндустриальное общество переходит к постэкономическому или не-экономическому развитию, поскольку в перспективе преодолевает господство экономики как производства материальных благ и более не задаётся экономической целесообразностью, ставя цели развития способностей человека как основной формы его жизнедеятельности. Способности не могут развиваться вне общественно-полезной сферы человеческой практики. К. Маркс провозгласил знаменитый принцип: «От каждого – по способности, каждому – по труду (или потребности)». Что это как не постэкономическая система ценностей в мире «третьей волны» Э. Тоффлера? Ведь и сейчас в обществах контроля материальная мотивация может уступать желанию самовыражения в трудовой деятельности. В. Л. Иноземцев отмечает: «В пределах развитых постиндустриальных стран формируется новое социальное расслоение, возникают барьеры, разделяющие работников интеллектуальной сферы и тех, кто не может включиться в информационно- и наукоемкое производство ввиду отсутствия необходимых способностей усваивать информацию и превращать её в новые знания. В отличие от традиционного имущественного неравенства, породившего классовые конфликты на протяжении всей истории экономического общества, новый тип социальной разделённости имеет качественно иную природу. Современное неравенство происходит из коренного различия базовых ценностей и несопоставимости интеллектуальных способностей членов общества, предопределённой генетически и социально» [4, с. 32].

С каждым годом общества контроля всё менее заинтересованы в неквалифицированном труде и поставках сырья, растёт напряжённость на границах постиндустриального мира – там, где разрыв между богатством и бедностью, образованным и необразованным населением особенно ошутим. Товарные, денежные и информационные потоки между финансовым центром и периферией возрастают по мере глобального расширения кредита и истощаются, как только наступает сжатие. Вся тяжесть сжатия кредита ложится на финансовую периферию – новые индустриальные страны и страны с транзитивной экономикой. Развивающиеся сообщества нуждаются в инвестициях и импорте технологий, без которых выпускаемая ими продукция устаревает уже на старте производства, а её реализация сокращается даже на внутреннем рынке. Дисциплинарные общества оказываются в двусмысленной ситуации, когда рост населения снижает, а не увеличивает экономическую мощь страны.

В деле преодоления кризиса и его последствий общества контроля и присущие им властные технологии оказываются значительно эффективней, чем меры надзора и принуждения в обществах дисциплины. Происходит это в том числе и потому, что сами общества контроля были вызваны к жизни жесточайшим экономическим кризисом и разрушительными последствиями мировой войны. Вместе с тем Д. Белл полагает, что современный капитализм находится в состоянии разобщённости всех сфер общественной жизни – экономической, политической и культурной, каждая из которых управляется собственным «косевым принципом»: экономика – требованием эффективности, политическая

система – либеральным принципом равенства, культура – интенцией самореализации личности. Эти сферы не только взаимодействуют, но и противостоят друг другу. Противоречия, обусловленные несовместимостью «осевых принципов», приводят к утрате прежнего единства экономики и культуры, революционная сталкивая растущие притязания и ожидания.

Анализ состояния знания, предпринятый Ж.-Ф. Лиотаром, помогает отнестись к противоречиям разумно и даже использовать их в целях эффективного общественного развития. Современное состояние знания французский философ охарактеризовал понятием «постмодерн». Проникшее в поры всех интеллектуальных сфер слово «пост» породило теории «пост-просвещения», «пост-истории», «пост-экономики», «пост-модерна» и ещё множество иных направлений современной социальной и гуманитарной мысли. Нередко, что на поверку эти знаменитые «пост...» представляют собой сугубый антимодерн и новый консерватизм [5, с. 40–52]. Вместе с тем в понятии «постмодерн» приставка «пост» вовсе не означает движение вроде *come back*, *flash back*, *feed back*, движение повторения, но вводит некий, как его называет Ж.-Ф. Лиотар, «ана-процесс» – процесс анализа, анамнеза, аналогии и анаморфозы, который перерабатывает нечто «первозабитое».

«Первозабитое» – это тайна планетарной сверхмощи неосмысленной сущности техники. Складывается впечатление, и на это указывал уже М. Хайдеггер, что развитие науки и техники продолжается независимо от того, хотим мы этого или нет. Техника развивается сама собой, движимая какой-то автономной силой; её совершенствование происходит далеко не всегда в соответствии с общественными потребностями, но следует какой-то своей тайной логике. Такое развитие трудно назвать прогрессом. Ж.-Ф. Лиотар замечает, что «плоды этого развития постоянно дебилизируют человеческую сущность, как социальную, так и индивидуальную... Можно сказать, что человечество оказалось сегодня в таком положении, когда ему приходится догонять опережающий его процесс накопления всё новых и новых объектов практики и мышления» [6, с. 58].

Означает ли это, что знания не принадлежат более ни национальным государствам, ни институтам науки и образования, ни вообще каким-либо иным социальным институтам? Что скорее, наоборот, общество существует и развивается как целостная система лишь при условии, что политические акторы взаимодействуют на основе обмена сообщениями, насыщенными информацией и легко декодируемыми на цифровые носители? При отсутствии такого взаимодействия мы получаем расколотое общество, где вместо одной целостности наличествует множество закрытых общностей самого разного свойства: бедных и богатых, образованных и необразованных, капиталистов и пролетариев.

Общества дисциплины также основывались на знании, чьё техническое применение определяло социальные группы, отношения собственности, технологии обработки земли, ручного и машинного производства. К концу XX века вместе с кодификацией теоретического знания и компьютеризацией сервисной экономики социальная связь и, прежде всего, политические и экономические технологии власти «переросли» формы явного надзора и принуждения и обрели неявную форму информационных систем. В политике – от электронных средств информации до автоматических систем, подсчитывающих голоса, в экономике – от пластиковых расчётных карт до высоких технологий промышленного производства, информационные системы одну за другой берут на себя функции власти и знания – представительскую, управленческую, просветительскую, оптимизационную, системообразующую [7, с. 22].

Категории знания постмодерн даёт расширительное толкование, легитимируя в качестве знания не только истинные высказывания, но и мнения. Знание теперь уже не сводится исключительно к науке или даже вообще к познавательной деятельности. Самые разные навыки – что-либо делать, как-либо жить, уметь слушать, видеть, реагировать, давать оценку – выходят за рамки определения истины как соответствия порядку вещей. Вместе с тем применение этих компетенций во многом является решающим для квалификации специалиста (деловой, технической, узкоспециальной) и его профессиональных достижений. Так, в компетенции финансового брокера находятся вопросы, связанные с игрой на биржевых котировках, зависимых как от состояния дел на самом предприятии, в данной отрасли и во всей национальной системе хозяйства, так и от рыночных ожиданий, иногда конъюнктурных, иногда оправданных экономическими или политическими, а иногда и совсем иррациональными.

Уже Аристотель отделил описание правил, которым должны подчиняться обоснованные высказывания, от исследования легитимности самих правил, отделил правила «Органона» от рассуждений «Метафизики». Ныне вопрос о легитимности постмодернистского расширительного толкования знания решается обществом *Web 2.0* при помощи языковых игр, позволяющих достичь согласия по поводу того, что является знанием, а что нет, и отличать того, кто знает, от того, кто не обладает знанием. Языковые игры определяют интенциональное содержание (что мы понимаем?) системы мыслительной деятельности, в которой предметное действие составляет единое целое с мышлением и коммуникацией, а различная аспектуальность (как мы понимаем?) актов понимания и рефлексии организуется во множестве значимых интерпретаций [8, с. 9–70]. В силу того, что не существует иного доказательства неизбежности самих правил, кроме того, что они сформированы на основе консенсуса экспертов, в ходе языковых игр конституируются социальные институты знания – академии наук, научно-исследовательские и проектные учреждения, опытно-конструкторские лаборатории, университеты.

Роль институтов знания многократно возрастает в случае, если общество желает дать утвердительный ответ на вопрос, станется ли связь знания с обществом и государством на деле связью средства и цели. Более того, истинность высказываний и компетенция высказывающего зависят от одобрения коллектива равных по компетенции, что невозможно без воспроизводства этого коллектива, а значит, эксперты и их компетенции нуждаются в постоянном обновлении в институтах непрерывного образования. Как следствие, в обществах контроля субъектом смысла и знания становится не народ и даже не государство, но спекулятивный университет, каким он виделся ещё В. Гумбольдту и Ф. Шлейермахеру на заре железного века.

Автономия высшей школы от политической власти позволила науке и образованию развиваться в полноценный институт знания. Служение науке превратилось в самый чистый, незаинтересованный род служения истине. Университет с фундаментальными принципами академической свободы и единства преподавания и исследования воплотил спекулятивный дух, охватывающий все, какие только возможны, научные и философские языковые игры. Спекулятивный дух означает, что университет призван воспроизводить не только позитивное знание о природе и обществе, но и позволяет «подняться» над предметом познания, познать собственное знание, осознать его границы. То, ради чего всё делается, не принадлежит позитивному знанию, хотя и есть высшая ценность практической жизни, реализующейся в серии свободных событий. Ныне без помощи или вне институтов знания немислимо предлагать какую-либо историческую оценку, пытаться решить, достижимо ли это нравственное средоточие общественного развития и справедливо ли оно.

В работе «История сексуальности: Воля к знанию» (1976) М. Фуко снял различие между волей к знанию и волей к власти. Единая воля присуща всем дискурсам при условии, что они не специализируются только на одном понятии истины, пусть даже понятии научной истины. Научные дискурсы, как и любые другие, в которых формируются и распространяются знания, не имеют привилегированного положения. Все они подчинены и управляются предметными практиками, лежащими в их основе. Дискурсивные практики и образуют те комплексы власти, что представляют собой предметные области *sui generis*. М. Фуко отказался от автономности форм познания, обосновывая их технологиями власти и подчиняя генеалогии, объясняющей происхождение знания из практик власти. Современная воля к знанию определяет сумму знаний, необходимую для того чтобы отделить истину от лжи и для того чтобы истина приобрела влияние власти. В беседе с японским журналистом Ш. Хашуми 13 октября 1977 г. М. Фуко сказал: «Существуют различные действия истины, которые общество вроде нашего западного, а сегодня можно сказать – мирового общества, производит в каждое мгновение. Истину производят. Подобные производства истин нельзя отделить от власти и механизмов власти, как потому, что эти механизмы власти делают возможными и продуцируют эти производства истин, так и потому, что эти производства истин сами оказывают властные воздействия, которые нас связывают и сковывают» [9, с. 286].

Утверждая, что истину производят, М. Фуко понимал под истиной не одни только высказывания и нормы, определяющие их соответствие действительности, но совокупность приёмов, которые допускают, чтобы эти высказывания произносились и рассматривались как истинные. Такого воздействия истины, озвученное средствами массовой информации, – воздействие меди-

адискурса. Когда ведущий аналитической или новостной программы на телевидении что-либо заключает или объявляет, независимо от того, верим мы ему или нет, высказывание начинает действовать на миллионы людей как истина исключительно потому, что произнесено таким вот образом, таким тоном, определённым лицом и в определённое время. Информация воздействует так же, как в своё время воздействовала воля монарха, доведённая до вассалов. Различаются разве что приёмы, в силу которых воля, знание, информация обретают статус истины. В человеческой жизни и деятельности эти приёмы настолько широки и разнообразны, что вряд ли могут быть нормированы.

Отношения истины и власти, знания и власти, несомненно, являются одними из самых трудных объектов для изучения, и эта трудность в немалой степени обусловлена рефлексивностью, двусторонней обратной связью внутри социальной системы. М. Фуко чувствовал себя слепым эмпириком,двигающимся на ощупь и создающим, насколько позволяет умение, инструменты, предназначенные для выявления разных объектов. Объекты социальных наук предопределены тем, замечал он, насколько хороши или плохи изготавливаемые нами инструменты. Они надуманы, если инструменты плохи. Ныне надуманными представляются первые экономические теории. Физиократы XVIII века стремились видеть в хозяйственных отношениях реализацию естественного порядка и законов. В споре с марксистами русские физиократы конца XIX века доказывали, что прибавочная стоимость возникает исключительно в аграрном секторе экономики, ведь рабочему для производительного труда в обрабатывающей или добывающей промышленности и даже служащему на транспорте или в торговле необходимо питаться, чтобы жить и иметь силы для работы. Что позволяет крестьянину, а именно земледельцу, производить добавочный продукт, эквивалентом которого становится денежная стоимость? Ответ недвусмыслен – плодородие почвы, благодаря которому из одного зерна произрастает целый стебель. Плодородие почвы, в свою очередь, берёт свою силу от солнца, поэтому деньги воплощают солнечные лучи, распределяя посредством экономики и финансовых рынков космическую энергию, получаемую планетой.

Такой «космический» интерфейс монархической власти и социологического знания был бесконечно далёк от действительности. Это, впрочем, совсем не мешало доиндустриальному российскому обществу медленно, но верно двигаться по пути индустриализации и капитализации хозяйственного производства. К. Маркс выявил подлинные механизмы власти и знания в их сращении с экономикой индустриального общества. Позднее кейнсианская модель спроектировала интерфейс власти и знания в обществах контроля и потребления, задавая рамки, параметры, принципы экономического управления и саму «оболочку» властных технологий. Интерфейс власти и знания современного постиндустриального общества выявить труднее всего. С этим был согласен М. Фуко. Здесь уместно сожаление Ж. Делёза, возникшее у французского философа в результате последних его наблюдений: «Многие молодые люди сегодня требуют "основательности", они сами настаивают на стажировках и непрерывном образовании. Им ещё предстоит узнать, кому они будут служить, подобно тому как их предки – не без труда – узнали о подлинной цели дисциплинарных обществ. Кольца змеи ещё более сложны, нежели подземные ходы кротовых нор» [3, с. 233].

В «подземных ходах» и «змеиных кольцах» власть набирает силу или ослабляет хватку. Бюрократизация и сталинские репрессии, всё крепче сжимая кольца идеологического насилия, позволили партии большевиков узурпировать такие властные полномочия, чтобы как можно шире контролировать общественную жизнь и наиболее эффективно принуждать к действию. Эффективная работа бюрократической машины могла быть обеспечена, с одной стороны, постоянным приращением репрессий, поиском внутреннего врага, на которого списывались все ошибки партийного руководства, тяготы и идиотизм экономического переустройства, с другой – активным мифотворчеством. Партийные мифы убеждали всех и даже саму партию в её общности с народом, в знании правды-справедливости, способной всех уравнять и осчастливить в ближайшем будущем. Для большевиков необходимо было стать частью народного мифа, в котором партия и вождь существуют как единое целое: «Мы говорим партия – подразумеваем Ленин, / Мы говорим Ленин – подразумеваем партия» (В. В. Маяковский), а народ говорит с партией на одном языке и един с нею. Столь явно прописанный интерфейс власти и знания не мог довольствоваться одной только переадресацией экономического управления от хозяйствующих субъектов всемогущему партийному руководству. Предполагал он и непременно-

ное доверие, неизбывную веру советского народа в мудрость великих вождей и, прежде всего, в их всеведение в делах строительства и реформирования экономической системы, что было ёмко и с задором отражено в лозунге: «Планы партии – планы народа». Архаика народной веры в царя, вожда, отца народов окружает последнего дружным хором славословия политических акторов и до такой степени искажает реальное положение дел, что подменяет знание идеологией, экономическое управление – политическими решениями, зачастую имитирующими действия, а не иницирующими их.

В то же время в обществах дисциплины, если власть не прибегает к неприкрытому насилию против инакомыслия, «кольца змеи» разжимаются и происходит то, что М. Фуко называл инфляцией власти. Термин «инфляция власти» был употреблён М. Фуко по отношению к обществу контроля, вступившим на постиндустриальный путь развития. Труднее всего снять маски с современности, заменить плохие инструменты исследования хорошими, ведь какие из них хороши, способно выявить только время. Фактор времени, оценивающего пригодность инструментов и содержательность самого исследования, невольно втягивает философа и исследователя в диалог с собеседником – читателем, критиком, интервьюером. Отсюда, принимаемые им к разработке инструменты обретают ярко выраженный рефлексивный характер, заставляя вести беседу с самим собой, давая оценку изученному и подводить итог достигнутому.

В обществах контроля непрестанная инфляция власти происходит непрерывно и не имеет одного-единственного источника, будь то государство или государственная бюрократия. Примеры многочисленны. Так, политика позитивного действия, развёрнутая в США с середины 1960-х гг., состояла в том, чтобы побудить к соревнованию социальные группы, которые подвергались этнической или расовой дискриминации и потому не считались пригодными к учёбе в университете, службе в органах внутренних дел, преподавательской работе в высших учебных заведениях, занятию государственных должностей. Указы Л. Джонсона запретили федеральным работодателям дискриминировать людей по признаку расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения. Университеты США начали использовать денежное стимулирование, привлекая к участию в своей деятельности этнические и расовые группы с невысоким уровнем жизни и прежде почти не представленные в высшем образовании. Разнообразия стали добиваться на самых разных уровнях – от студентов и преподавателей до ректората и учёных советов. Администрация президента держит это разнообразие под контролем, заставляя университеты отчитываться о представительстве меньшинства в общественной жизни учебного заведения и урезая финансирование в случае его недостаточности.

Вместе с тем меры, принимаемые властью для реализации политики позитивного действия, однобоки. Несомненно, что они имеют либеральный и демократичный характер. Однако ошибочно исключать реляционный аспект власти, считать, что меньшинства сами по себе не обладают никакой властью как внутри своих сообществ, так и во внешних связях с институтами власти, знания, политическими акторами, другими социальными группами. Инфляция власти проявляется в том, что власть, предлагая диалог и делея полномочиями господства, ждёт активного встречного действия, которое более необходимо самой власти, чем дискриминируемому меньшинству. Пассивный саботаж со стороны меньшинства и деятельное сопротивление традиционным большинством это только некоторые из незапланированных последствий политики позитивного действия, ещё более усугубляющие инфляцию власти и диверсифицирующие производство истины. Так, шведское законодательство при всей его лояльности к правам меньшинств запрещает позитивную дискриминацию, рассматривая её как одну из форм дискриминации вообще. Считается, что «позитивное действие» направленно демонстрирует отличие меньшинства, ещё более его обособляет и тем самым «клемит», предоставляя права за счёт приписанных характеристик. Политика позитивного действия так же снижает ценность достижений меньшинства, как и ценность достижений большинства, которая теперь определяется на основании принадлежности их субъектов к той или иной социальной группе, а не по квалификации или таланту. Позитивная дискриминация запрещена в Великобритании, Германии, Словакии, Японии.

Очевидно, что в отличие от дисциплинарных проектов, рассчитанных на долгие сроки и требующих периодической пролонгации, контроль действует непрерывно и безгранично. При этом сами процедуры контроля краткосрочны, а технологии сверхпроизводства наименее затратны и способны приносить молниеносные прибыли. Конечно, здесь действует экономический закон: при равных сроках инвестирования, чем больше ожидаемая прибыль, тем выше финансовый риск. Финансовые риски растут, как пирамиды спекулятивного капитала и производных финансовых инструментов. Вместе с ними множатся риски политической и экономической несостоятельности национальных государств. Неслучайно общество, возникающее из индустриального, У. Бек назвал обществом риска, а соответствующую ему форму современности рефлексивной. Постиндустриальное общество вышло на путь лавинообразного увеличения рисков, как в сфере экономики и финансов, так и в политике и в социуме в целом. Тема риска и безопасности в оболочке новостной информации медиадискурса XXI века стала тем интерфейсом власти и знания, задача выявления которого и была поставлена М. Фуко.

Библиографический список

1. Соловьёв, О.Б. Общества дисциплины: культура управления или управление культурой // Вопросы культурологии. – 2011. – № 11.
2. Бэкон, Ф. Великое Восстановление Наук: соч. в 2 т. – М., 1971. – Т. 1.
3. Делёз, Ж. Переговоры. – СПб., 2004.
4. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.
5. Хабермас, Ю. Модерн – незавершённый проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Заметки о смыслах «пост» / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. // Иностранная литература. – 1994. – № 1.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. – М.; СПб., 1998.
8. Соловьёв, О.Б. Понимание и мышление: рефлексивные механизмы социокультурной динамики понимания. – Saarbrücken, 2011.
9. Фуко, М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М., 2002.

Bibliography

1. Solovjov, O.B. Obshchestva disciplin: kul'tura upravleniya ili upravlenie kul'turoy // Voprosy kul'turologii. – 2011. – № 11.
2. Behkon, F. Velikoe Vosstanovlenie Nauk: soch. v 2 t. – M., 1971. – T. 1.
3. Delyoz, Zh. Peregovory. – SPb., 2004.
4. Inozemcev, V.L. Sovremennoe postindustrialnoe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektiv. – M., 2000.
5. Khabermas, Yu. Modern – nezavershyonnyy proekt // Voprosy filosofii. – 1992. – № 4.
6. Liotar, Zh.-F. Zametki o smyslakh «post» / Zh.-F. Liotar; per. s fr. // Inostrannaya literatura. – 1994. – № 1.
7. Liotar, Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna / Zh.-F. Liotar; per. s fr. – M.; SPb., 1998.
8. Solovjov, O.B. Ponimaniye i myshleniye: refleksivniye mekhanizmihi sociokul'turnoy dinamiki ponimaniya. – Saarbrücken, 2011.
9. Fuko, M. Vlast' i znanie // Intellektualih i vlasti: izbranniye politicheskiye stat'ii, vkhstupleniya i interv'yu. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 28.11.11